

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

© — ОЛЯ — 1991

Л. Г. ФРИЗМАН

ПУШКИН В КОНЦЕПЦИИ МЕРЕЖКОВСКОГО

Наследие Д. С. Мережковского так обширно и многообразно, что когда оно вдруг стало дозволенным объектом исследований, его литературно-критические, историко-литературные и эстетические работы не привлекли к себе первоочередного внимания. Между тем они таят в себе немало интересного и поучительного.

Каждый, кому доводилось хотя бы бегло знакомиться с ними, мог обратить внимание на одну особенность, характерную для творчества Мережковского — критика и литературоведа — стремление рассматривать художественное явление, творческий облик писателя в сопоставлении, в контексте. Он не назвал свою главную литературоведческую монографию «Толстой» и не назвал ее «Достоевский», а назвал ее «Толстой и Достоевский». А другую книгу — «Две тайны русской поэзии»: в ней сведены Некрасов и Тютчев. Вспомним такие статьи, как «Чехов и Горький», «Горький и Достоевский». А статью «Лермонтов» Мережковский, хоть и не назвал, но вполне мог назвать «Пушкин и Лермонтов»: своеобразие Лермонтова раскрывается в ней в сопоставлении с Пушкиным. Это уловили уже современники, и например, Ю. Айхенвальд счел «неправильной» «ту коренную антитезу, на которую все время опирается наш критик. Он противопоставляет Пушкина Лермонтову» [1, С. 109, 110]. Можно привести и другие примеры.

Попытаемся проследить эту черту творческой манеры Мережковского-критика на материале его статьи «Пушкин» (1896). Известна мысль Белинского, что «писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей» [2, с. 106]. Мережковский мог бы сказать, что писать о Пушкине — значит писать обо всей мировой литературе: ряд имен, привлекаемых им для объяснения Пушкина, включает и Гомера, и Платона, и Лао-Цзы, и современников Мережковского.

Место, на которое Пушкин, по Мережковскому, «имеет право по внутреннему значению своей поэзии», — «рядом с Гете, Шекспиром, Данте, Гомером» [3, с. с. 97]. Из них ближе всех Пушкину Гомер. Приведя цитату из Пушкина, Мережковский говорит: «С такою именно простотою описывает Гомер картины эллинской жизни, также не заботясь о прекрасном, — рассказывая, как его герои едят, спят, умываются... Для них нет нашего разделения на прозу и поэзию, на будни и праздники, на красивое и некрасивое... В поэзии Пушкина и Гомера чувствуется спокойствие природы. Здесь и вдохновение — не восторг, а последнее безмолвие страсти, последняя тишина сердца [3, с. 102]. Что же касается Гете, Шекспира и Данте, то Пушкин отличается от них тем, что он «в первобытном галилейском смысле более христианин». «Здесь обнаруживается самобытная народная личность русского поэта», его способность к иному восприятию природы. Христианство Пушкина, говорит Мережковский, «чуждо всякой теологии, всяких внешних форм; оно естественно и бессознательно...